

Ксения Стриж: «Я всегда стремилась лицедействовать»

Алина РЕБЕЛЬ

Новые газеты и радиостанции появляются в последнее время как грибы после дождя. Не успеваешь привыкнуть к одному формату, тут же на той же частоте появляется совершенно иное вещание. Среди последних подобных рокировок — смена «Радио он-лайн» на радио «Диско». С одним из самых ярких «голосов» радио «Диско» (оно вещает на частоте 88,7 FM) Ксенией Стриж встретилась корреспондент «РК».

— Ксения, вам вроде бы было вполне уютно на «Европе Плюс». почему вдруг переместились на «Диско»?

— Дело в том, что я никуда не переходила. Просто на той же частоте было раньше «Радио он-лайн», где я благополучно трудилась, хозяйева поменяли лицензию на частоту, и я просто осталась с ними.

— Как вам удается постоянно безболезненно менять форматы станций, на которых работаете?

— Я работаю не с музыкой. У меня моя разговорная программа — ток-шоу. Поэтому формат мне не очень важен. А радио «Диско» должно быть понятно и интересно тем, чья юность пришлась на 50 — 60-е годы. Я сама такой человек. И для меня, и для наших слушателей есть в этом нечто радостно-ностальгическое. С другой стороны, мне очень нравится атмосфера, которую создает радио «Диско» силами замечательной команды. Диско — это же очень позитивная музыка, которая не грузит, а создает веселое настроение.

— Вы работали на станциях с абсолютно разной целевой аудиторией. В том числе в вашем послужном списке было радио «Шансон». Вам была близка эта тематика?

— Мне вообще всегда интересно что-то новое. Я замечаю, что все станции, на которых я работала, были новыми проектами. Я всегда приходила на вновь создаваемую радиостанцию, и мне было интересно, независимо от формата, команды и основной идеи. Меня всегда больше привлекало что-то начинать: в принципе мне кажется, что это свойственно любому творческому человеку. И когда есть новый проект, трешно отказываться.

— А страшно не бывает? Все-таки на фоне какой-то уже существующей устояв-

шей работы уходить в новый проект — дело достаточно рискованное.

— Мне как раз страшно, когда я понимаю, что пора уходить, а решительно некуда. Бывает ведь такое, что смотришь трезво вокруг и понимаешь, что уйти некуда, потому что сменишь шило на мыло — ведь везде практически одно и то же. А профессиональных людей, к сожалению, мало. Поэтому в первую очередь, когда я узнаю о какой-то новой радиостанции, для меня важно, кто к ней имеет отношение: как руководство, так и потенциально будущие коллеги. Ведь вообще-то люди все время ходят с радиостанции на радиостанцию, и ничего в этом странного нет. Молодых-то немало, но среди них мало ярких людей. А вот персонажей со старой закваской не так много.

— В свое время вы были первооткрывателем стиля унисекс в нашей стране, одной из первых стали говорить в радиозфире с живыми интонациями, раскрепощенно и весело. Гордитесь?

— Наверное, было бы излишней скромностью сказать, что я этого не понимаю. Видимо, так оно и есть. Но дело в том, что моя заслуга в этом процентов на пятьдесят, а остальные пятьдесят — а может быть, даже и шестьдесят — это то, что я попала в нужное время в нужное место. Когда с девяностого года в стране начались серьезные перемены, а идея музыкального коммерческого вещания витала в воздухе, народ уже этой свободы и раскрепощенности сознательно ждал. И в эту волну волею счастливого случая попала я. Появившись со своим имиджем, со своим именем, какая я сейчас есть, пять лет назад, думаю, это не произвело бы такого впечатления, нежели четырнадцать лет назад. Так можно сказать о любой музыкальной группе нашего поколения: Если бы «Машина времени» появилась в прошлом году, это было бы несколько странно. А тогда это было необходимо и нужно, это был какой-то прорыв. Мне просто повезло, что вот так сложились обстоятельства, и я оказалась на своем месте. Тогда в сравнении с сухой манерой вещания государственного радио моя манера и манера моих коллег выделялись и не могли не обратить на себя внимания.

— С тех пор, когда вы начали, прошло немало лет. Что изменилось за это время?

— Мне радостно созна-

вать, что очень много слушателей, которые звонят на радио «Диско», и в мою программу в частности, выросли вместе со мной. Это в основном мои ровесники плюс-минус пять лет, которые шли вместе со мной по всем радиостанциям, где я была, и менялись вместе со мной. Поэтому я не очень обратила внимание на их изменение: считается ведь вполне справедливым, что свой ребенок незаметно растет, по чужим это виднее. Естественно, присоединяются новые люди. Но в сравнении с тем периодом, когда мы начинали 14 лет назад, сейчас есть огромный выбор: для каждого поколения практически есть свой формат. Я склонна думать, что люди, которые слушают радио «Диско» и мою программу «Стриж-тайм», просто знают, что они слушают и почему.

— Сегодня очень много диджеев и видежеев, ориентированных именно на молодежь. Они считают, что создают какой-то стиль. Вам этот стиль нравится?

— Не знаю, к сожалению или к счастью, этот стиль, как правило, заимствован с Запада: все, к чему стремятся видежеев и видежеев, мы уже где-то видели. Другое дело, что время, на которое пришла их молодость, заставляет их мыслить и действовать по какой-то своей другой логике. Это всегда хорошо. Я могу их в чем-то понять, в чем-то не понять, но осуждать я это не имею права, поскольку у каждого времени есть свои плюсы и минусы. У каждого времени должен быть свой герой. Все-таки было бы странно, если бы тетенка тридцати восьми лет от роду, какой-то себя считала, задавала бы тон шестнадцатилетним.

— А кто сегодня герой нашего времени?

— Все зависит от среды, в которой человек находится: для одного герой Ходорковский, для другого Путин, для третьих Отар Кушанашвили, для третьих — ведущие МузТВ. Для моего поколения, для меня лично это Леонид Парфенов. Я очень уважаю этого человека как представителя своего цеха.

— А полутолые видежеев, которые произносят бессвязный текст, не раздражают?

— Честно вам скажу, я просто все это не смотрю. А вообще, если брать музыкальные каналы других стран, там особого упора на интеллект нет. Это развлекательное вещание, которое рассчитано на настроение и моду. Там больше герой на-

шего времени не только полермонтовски — на которого хочется равняться по-человечески. Скорее хочется выглядеть, как он, то есть подражать чисто внешне. Я вообще думаю, что молодое поколение в героях не нуждается, и это очень положительная черта нашей молодежи. Они более демократичны, нежели мы. Все-таки у нас было много запретов, и нам свойственно было перед чем-то преклоняться, развешивать по стенам плакаты своих кумиров. Сейчас все намного проще, доступнее. И это хорошо.

— Однако то, как говорят видежеев и видежеев, программирует зрителей на то, как и что надо говорить.

— Вы знаете, я не могу отвечать за других. Мне в этом плане очень повезло, хотя моя манера говорить кого-то может тоже очень раздражать, как и вообще моя манера вести себя. Было бы странно, если бы я всем абсолютно на сто процентов нравилась. Мне вообще очень нравится то, как ко мне относятся: меня либо любят, либо терпеть не могут. Если меня не принимают — это во всяком случае неравнодушная позиция, что уже само по себе хорошо. Так вот мне повезло, потому что я в свое время училась в театральном институте, где у меня были замечательные преподаватели, которые на меня произвели впечатление и что-то, видимо, у меня в душе поселили. А ведь далеко не каждому из молодых людей, которые работают сейчас на радио или на телевидении, довелось поучиться этому — образованию все-таки имеет большое значение. Хотя я не утверждаю, что у меня речь безукоризненна, потому что безукоризненная речь только у дикторов. В то же время человек, который говорит для массы людей, безусловно, несет огромную ответственность за то, что и как сказано.

— Вы закончили театральный институт, снялись в телефильме. Не жалете о том, что карьера актрисы так и не случилась?

— Дело в том, что я о карьере актрисы никогда и не мечтала. Мне просто хотелось закончить театральный институт. Еще на втором курсе я поняла, что блестящая актерская карьера вряд ли получится по той причине, что у меня довольно своеобразная внешность, которая по тем временам, наверное, в основном подходила под какой-то детский театр, комиче-

ские роли. То есть довольно часто встречающаяся проблема несоответствия внутреннего и внешнего. При этом я понимала, что так или иначе актерство — это мое. Независимо в чем: театр, кино, музыка, телевидение. Я понимала, что буду лицедействовать, хотя не знала, в какой области. На сегодняшний день я абсолютно на сто процентов занима-

юсь своей профессией. Просто я произношу свой текст, а не чужой.

— На телевидение не хотелось бы вернуться?

— В принципе хотелось бы, и сейчас ведутся по этому поводу кое-какие переговоры. Вообще для меня самый уютный режим работы — это одновременно и радио, и телевидение. Конечно, на радио проще: туда можно

прийти ненакрашенной, лохматой, невыспавшейся, ведь голос-то от этого не так сильно меняется. Телевидение ставит больше условий по внешности. Со мной это вообще было очень забавно: когда люди, слышавшие меня по радио, увидели впервые по телевизору, они были разочарованы. Сейчас, конечно, это уже не так ярко — все-таки меня знают.

— Кстати, как к популярности относитесь?

— Положительно. Любый человек, отправляющийся в театральный институт, так или иначе мечтает о славе. Поэтому лицемерием было бы говорить, что мне это не нужно. Очень приятно, когда берут автографы, хотя бывает и негатив: когда на тебя показывают пальцами, как в зоопарке, это очень неприятно.